

УДК 82.09

СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II КАК ФАКТОР СЮЖЕТА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

В. А. Жаров

Тверской государственный университет
*кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества*

В статье рассматриваются причины появления в столице Российской империи одного из действующих лиц романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» как результат проводимых Александром II во второй половине XIX века реформ права.

Ключевые слова: *адвокатура, присяжные поверенные, суд.*

Выяснение обстоятельств, влияющих на развитие сюжета, определение скрытых факторов, обуславливающих его динамику, является одним из важных требований при анализе произведения; при этом исследователи зачастую вынуждены выходить за рамки собственно литературоведческого подхода и обращаться к смежным дисциплинам. Часто для адекватного понимания сюжета приходится обращаться к историческому комментированию, но не всегда оно в достаточной степени раскрывает реалии сюжета. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» самим своим названием определяет связь повествования с проводимыми в описываемое в романе время многочисленными и неоднозначными изменениями в судебной системе государства.

Одним из новых явлений в российской правовой действительности того времени было введение института адвокатуры, или, точнее, присяжных поверенных. В суде наряду с прокурором появилось новое действующее лицо, от которого во многом зависела судьба того человека, который вольно или невольно сталкивался с законами Российской империи. Известна следующая точка зрения Достоевского на вновь введенный институт: «... эта юная школа изворотливости ума и засушения сердца, школа извращения всякого здорового чувства по мере надобности, школа всевозможных посягновений, бесстрашных и безнаказанных, постоянно и неустанно, по мере спроса и требования... <...> Они не только люди без малейших серьезных убеждений, но даже без всякой выдержки и чувства меры» [4, с. 159].

Один из персонажей «Преступления и наказания», непосредственно связанный с юриспруденцией описанного в романе времени, человек, достаточно добившийся на этом поприще и не собирающийся останавливаться на достигнутом, – Петр Петрович Лужин. Впервые мы встречаем упоминание об этом персонаже почти в самом начале романа, в письме матери Раскольникова Пульхерии Александровны. Жених Дунечки, сестры главного

героя, – «надворный советник, Петр Петрович Лужин <...> человек очень деловой и занятой и спешит теперь в Петербург <...> он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал <...> он хочет открыть в Петербурге публичную адвокатскую контору. Он давно уже занимается хождением по разным искам и тяжбам и на днях только что выиграл одну значительную тяжбу. В Петербург же ему и потому необходимо, что у него там одно значительное дело в сенате» [3, с. 31–32]

Информация носит достаточно общий характер и вместе с тем позволяет составить первое впечатление о персонаже. Итак, наш герой – достойный представитель института поверенных на юридическом поприще. Позднее, при описании посещения им жилища Раскольникова, находим строчки, где Лужин от первого лица приоткрывает причины, приведшие его в столицу Российской империи: «Я, видите ли, уже десять лет не посещал Петербурга. Все эти наши новости, реформы, идеи – все это и до нас прикоснулось, но чтобы видеть яснее и видеть все, надобно быть в Петербурге» [Там же, с. 115]. «Новости, реформы, идеи» весьма тесно затрагивают непосредственные интересы Лужина. Речь идет о реформах Александра II, в том числе и о судебной реформе, введенной указом от 20 ноября 1864 г., то есть непосредственно перед описываемыми в романе событиями. Вводимые в юридическую систему изменения могут поколебать благополучие Петра Петровича, который сам себя считает адвокатом («Имею к тому же весьма важное дело по моей адвокатской части в сенате»), и в этом определении с ним согласен Раскольников («...ведь он по делам ходит, адвокат»). Но не совсем ясно, какое содержание вкладывают герои в слово *адвокат*. Неясность объясняется тем, что в то время оно не имело характера термина, его еще не существовало в юридической практике (за исключением прибалтийских губерний, где институт адвокатуры уже существовал), лексическое значение его было весьма неопределенным, хотя само слово было весьма распространено: по воспоминаниям современников, Николай I утверждал, что в его правление России адвокаты не нужны.

Институт присяжных поверенных – тех, кто ближе всего к понятию *адвокат*, – вводится указом от 20 ноября 1864 г. Но новые уставы вводятся во всех местностях Европейской части России постепенно, начиная с губерний, входящих в состав округов Санкт-Петербургской и Московской судебных палат. До появления института присяжных поверенных сходную в чем-то с ними функцию выполняли частные поверенные,стряпчие – «крапивное семя».

Известный судебный деятель того времени Александр Владимирович Лохвицкий, доктор права, покинувший государственную службу и ставший присяжным поверенным (в Краткой литературной энциклопедии о поэтессе Мирре Александровне Лохвицкой говорится: «дочь адвоката»), утверждал, что в Российской империи отсутствует адвокатура в западном смысле этого слова, и недоумевал, почему частые поверенные украшают

себя громким именем адвокатов – неизвестно по какому праву и на каком основании. Здесь можно вспомнить и Чичикова, который «...в ожидании лучшего принужден был даже заняться званием поверенного, званием, не приобретшим у нас гражданства, толкаемым со всех сторон, плохо уважаемым мелкою приказной тварью и даже самими доверителями» [2, с. 218].

От большинства присяжных поверенных Лужина отличает образование: в письме Раскольникову говорится, что Петр Петрович – человек «небольшого образования» [3, с. 31], позднее упоминается о том, что он учился на «медные деньги». Однако это не мешает герою преуспевать, и всё же его весьма беспокоят грядущие реформы. Мы знаем, что Лужин «служит в двух местах», и это пока не возбраняется, потому что по старому Своду законов практически каждый имел право быть поверенным, и лишь чиновникам «запрещалось выступать поверенными в тех местах, где они служат» [1, с. 16]. По новому «Учреждению судебных установлений» в число присяжных поверенных не допускались вообще лица, состоящие на службе, а статья 387 главы второй «Права и обязанности присяжных поверенных» гласила: «В тех городах, где имеют жительство достаточное число присяжных поверенных, тяжущиеся могут давать на хождение по тяжёлым их делам в судах того города только лицам, принадлежащим к числу сих поверенных». Количество присяжных поверенных достаточно жестко нормируется статьей 386: «Число присяжных поверенных, признаваемое достаточным в городах уездных и губернских и в столицах, определяется в особой табели, которую министр юстиции по представлению судебных палат вносит через Государственный Совет на Высочайшее утверждение» [6, с. 329]. Иными словами, приближалась коренная ломка сложившихся судебных правоотношений, привычный источник безбедной жизни Петра Петровича мог иссякнуть, и, скорее всего, именно в этом причина его приезда в Петербург, а не упомянутое ранее дело в Сенате. Впрочем, Сенат – высшая апелляционная инстанция по большинству дел – может привлекать Лужина и в качестве достоверного источника информации о реформах, так как в ходе их подготовки и введения предлагались весьма разные проекты. Так, еще в 1859 г. Государственный Совет предлагал назначать присяжных поверенных «...из желающих поступить в сие звание чиновников, способных, благонадежных и имеющих достаточные по части гражданских судебных дел сведения, хотя бы одною практикой приобретенные» [1, с. 99]. Естественно, такой принцип формирования нового правового института как нельзя больше устраивал Петра Петровича: он чиновник, у него большая юридическая практика; о его «благонадежности» свидетельствует следующее предположение Раскольникова: «Анна в петлице есть» [3, с. 37]. Орденом Святой Анны с 1847 г. награждали «за беспорочную 12-летнюю службу в одной должности, но не ниже восьмого класса» [7, с. 136].

Но несколько позднее Государственная канцелярия предложила иной подход к отбору кандидатов в присяжные поверенные. Во-первых,

предлагалось ограничить срок принятия в число присяжных поверенных шестью годами. Во-вторых, присяжными поверенными могли стать или лица с высшим юридическим образованием, что никак не устраивало Лужина по причине отсутствия у него этого образования; или лица с юридической практикой и опять-таки с высшим образованием, пусть и не специальным, что также не могло устроить нашего героя; или «...те, которые, хотя и не кончили воспитания в высших учебных заведениях, но занимают по ведомству Министерства юстиции должности не ниже седьмого класса, а также секретари Сената» [1, с. 101]. Это последнее положение кажется спасительным для персонажа, не желающего расставаться с избранным поприщем: вспомним, что в письме матери Раскольникова говорится о том, что Лужин «уже надворный советник», а этот чин по «Табели о рангах» как раз и соответствовал седьмому классу. Но в тексте романа нет упоминания, по какому ведомству служил Петр Петрович; вполне вероятно, что и по другому – и тогда опять-таки возможность стать присяжным поверенным остается призрачной. Наконец, Государственная канцелярия предлагала открыть путь к званию присяжного поверенного «присяжным стряпчим при коммерческих судах» [Там же], что, впрочем, тоже не совсем соответствует чаяниям Лужина: он, как мы помним, прежде всего чиновник по гражданской службе.

Кроме того, практически параллельно с описываемыми в романе событиями рассматривался проект о праве министра юстиции отказывать в утверждении в звании присяжного поверенного без объяснения причин. По замыслу авторов проекта, данное положение могло преградить путь в юриспруденцию не совсем порядочным людям. Проект рассматривался 2, 5, 9, 12 июля и 20 августа 1865 г. Тогда же рассматривался вопрос о том, что недовольные отказом в утверждении в звании могли предоставить свои объяснения министру юстиции, который, в свою очередь, предлагал их на рассмотрение первого департамента Сената. Лужин вполне мог об этом знать: проекты реформ не носили закрытого характера и широко освещались в прессе того времени. В тексте «Учреждения судебных установлений» от 20 ноября 1864 г. статья 354 главы второй достаточно жестко ограничивала круг возможных кандидатов в новое звание: «Присяжными поверенными могут быть лица, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук или о выдержании экзамена в сих науках, если они сверх того прослужили не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел». К тому же следующая, 355-я статья запрещала быть присяжными поверенными лицам, состоящим «...на службе от правительства или по выборам, за исключением лиц, занимающих почетные или общественные должности без жалованья» [6, с. 323], и тем самым, казалось, хоронила надежды Лужина на новое звание. Однако

некоторая зыбкость и неоднозначность вводимых положений позволяют нашему герою надеяться на благоприятный для себя исход. Тем более что Петр Петрович располагал определенным запасом времени: только 14 марта 1866 г. была публикация о принятии и рассмотрении прошений лиц, желающих поступить в число присяжных поверенных по округу Санкт-Петербургской судебной палаты. Учитывая вышеизложенное, становится вполне понятен интерес Лужина к Сенату и то, что он, упоминая о «важном деле <...> в сенате», не конкретизирует его.

Но текст романа предполагает и иную возможность, иную, более высокую цель, преследуемую Лужиным, своего рода журавля в небе: «Незадолго перед тем, после долгих соображений и ожиданий, он решился, наконец, окончательно переменить карьеру и вступить в более обширный круг деятельности, а с тем мало-помалу перейти и в более высшее общество, о котором он давно уже со сладострастием подумывал. <...> Одним словом, он решился попробовать Петербурга» [3, с. 235]. Причина перемен достаточно прозрачна: «...более всего на свете любил и ценил он, добытые трудом и всякими средствами, свои деньги: они равняли его со всем, что было выше его» [Там же, с. 234]. Лужин своим нюхом дельца почувствовал возможность хорошей наживы. Позднее, в 1875 году, при введении в действие институтов судебной реформы, Н.А. Некрасов писал во второй части «Современника» о подобных Лужину:

И, содрав гонорар неумеренный,
Воскликнул мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин!..» [5, с.115–116]

Естественно, в столице доход присяжного поверенного явно мог быть выше, много выше: «Председатели провинциальных судов то и дело обращаются в Петербург и Москву с просьбой найти желающих поселиться в округе того или иного суда. <...> Председатель кашинского суда сообщает, что “он приглашал в январе и феврале месяцах 1867 г. через публикацию в “Московских и Петербургских ведомостях” лиц, желающих быть присяжными поверенными при суде, но желания на это никто не изъявил”» [1, с. 121]. Уровень жизни в столице, во многом определяемый уровнем доходов, был несопоставим с соответствующими категориями провинциальной жизни. Но, как уже отмечалось ранее, количество присяжных поверенных в столицах ограничивалось, поэтому понятна предусмотрительность Петра Петровича и заблаговременность его действий. В упомянутом «Учреждении судебных установлений» статья 379 регламентирует порядок поступления в число присяжных поверенных: «Желающий поступить в число присяжных поверенных должен подать о том прошение в совет сих поверенных, объяснив в прошении: в каком именно городе избирает он себе место жительства, а также что для поступления его в звание присяжного поверенного нет ни одного из тех пре-

пятствий» [6, с. 327–328], о которых мы уже упоминали и которые у Петра Петровича, увы, присутствуют. Но на начальном этапе реформы, при отсутствии совета присяжных поверенных, вполне вероятным было снижение требований к кандидатам, отбор велся чиновниками (а Лужин из их племени), следовательно, шансы его не были равны нулю. И причина приезда нашего героя из глубокой провинции (тысяча верст по железной дороге) в столицу представляется весьма прозрачной.

Список литературы

1. Адвокатура, общество и государство. История русской адвокатуры: в 2 т. Т. 1 / Сост. С. Н. Гаврилов. М.: Юристъ, 1997. 357 с.
2. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М.: Рус. кн., 1994. 605 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 23. Л.: Наука, 1981. 423 с.
5. Некрасов Н. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1965. 470 с.
6. Реформы Александра II / Сост. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. М.: Юрид. лит., 1998. 464 с.
7. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта; Наука, 2003. 264 с.

Об авторе:

ЖАРОВ Владимир Алексеевич – доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: vaz-0008@yandex.ru.

JUDICIAL REFORMS OF ALEXANDER II AS A FACTOR IN THE PLOT OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT”

V. A. Zharov

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article explores the reasons for the appearance in the capital of the Russian Empire of one of the protagonists of F. M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment” as a result of the reforms of law carried out by Alexander II in the second half of the XIXth century.

Keywords: *advocacy, sworn attorneys, court of law.*

About the author:

ZHAROV Vladimir Alekseevich – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: vaz-0008@yandex.ru.